

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. В. Тихонов

Российское общество
как новая социальная реальность
и метапроект отечественной
социологии

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Tihonov.pdf>

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Тихонов А.В.

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И МЕТАПРОЕКТ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Проблема повестки дня отечественной социологии периодически обсуждается социологическим сообществом [1]. Ждали этого и от Всероссийского социологического конгресса, прошедшего в Москве в октябре 2008 года. К сожалению, чёткого и по возможности ясного ответа на вопрос, что же представляет собой отечественная социология на новом этапе своей институционализации получить не удалось. В этой связи есть опасность, что такая ситуация сохранится до нового юбилея, а впереди нас ждут лишь локальные «тусовки» социологических сообществ с собственными повестками дня и собственными трактовками специфики нашего общего объекта исследований. Всем понятно, что такое положение дел не укрепляет позиции социологии в российском обществе и не идёт на пользу ему самому.

Ситуацию в социологии отражает в определённой мере интерактивный социологический опрос до начала Конгресса (октябрь 2008 г.) и после его проведения (март-май 2009 г.), который подтвердил фрагментацию отечественной социологии и отчасти обнаружил интегративные тенденции в социологическом сообществе [2]. Фрагментация, как оказалось, в основном обусловлена научно-организационными факторами, а интеграция – возможностями свободного обмена информацией независимо от фракционной принадлежности. Как показало это исследование, наша наука сильно обновилась за последние десять лет. Судя по первому опросу, тех, кого называют «шестидесятниками» и кто непосредственно участвовал в возрождении нашей социологии в 1950-60-е годы, насчитывается всего 5% от числа опрошенных, «семидесятников» – 11%, остальные пришли в социологию с 1989 по 1999 годы – 18%, и с 2000 по 2008 годы – 56%. Работают социологами 63%, остальные заняты в других отраслях науки, образования и производства. Только 30% живут в Москве и Санкт-Петербурге, ученую степень имеют 44%, базовое философское и социологическое образование – 19%, остальные – историческое, экономическое, правовое и техническое. Владели одним и более иностранными языками – 33% и столько же имеют в своем активе зарубежные публикации. Что касается структуры социологического сообщества, то соотношение примерно такое: ядро

(принимающие участие в фундаментальных исследованиях по грантам РГНФ, РФФИ и некоторых других фондов, работающие в ученых и диссертационных советах и состоящие в редакциях журналов) – 29%, полупериферия (участвующие в нескольких исследовательских проектах и преподавании) – 40% и периферия (преподающие и/или участвующие в исследованиях как исполнители) – 31%. На этом примере хорошо видна научно-организационная дифференциация сообщества. Непричастных к членству в каких-либо объединениях и союзах оказалось 66-68% участников, около четверти (24,3%) являются членами РОС, на долю остальных сообществ выпало 6,9% опрошенных. можно сделать вывод, что противоборства между социологическими объединениями носят «верхушечный» характер.

Когда участникам интерактивного опроса было предложено обозначить приоритетные темы исследований в стране, наибольшее число назвало тематику своих отраслевых направлений с очень большой дисперсией. Это, в частности, исследования молодежи, образования, детства-родительства, труда, экономики, стратификации, личности, культуры, профессий, этничности, гендера, здоровья, власти и управления, коммуникаций и т.д. по всему списку. Намного меньше (примерно 18% участников), назвали интегративные темы: осуществление экстраординарных шагов по развитию теоретической социологии и постановка в центр внимания исследований российского общества в целом; измерение латентных механизмов функционирования и развития нашего общества, социологическое изучение просчетов и катастроф в нашей истории, создание идентификаторов социальных болезней для их диагностики; повышение методолого-методической культуры отечественных эмпирических исследований; проведение общероссийских мониторингов основных проблем жизни общества и создание федеральной базы данных по материалам исследований. А вот тему исследования состояния массового сознания и динамики изменения социальных представлений о прошлом, настоящем и будущем нашей страны среди различных социальных слоев и классов российского общества назвали всего три респондента.

Характерно не то, что есть различные представления о приоритетах, а то, что такие предложения дали только 45% опрошенных. Остальные затруднились ответить или не ответили вовсе. Такая же картина и в отношении дискуссионного вопроса об отставании отечественной социологии от западной. Примерно 70-80% затруднились ответить по каждой позиции пятибалльной шкалы. Это опять же говорит о том, что вопрос скорее волнует наиболее угонченных знатоков западной литературы, чем основной корпус отечественных социологов. По моим представлениям,

за последние двадцать лет мы вышли на уровень мировой социологической мысли, освоили ее достижения и ее «тупики» и остановились перед тем, как все это богатство применить к современным российским условиям с учетом традиций отечественной социологии [3].

Такая работа у нас активно ведется на трех уровнях: метасоциологическом, институциональном и теоретико-эмпирическом. Вопрос только в том, дает ли эта работа «необходимое и достаточное основание» (как говорят в философии науки, начиная с Лейбница), для социологической трактовки российского общества как новой социальной реальности? Метасоциология представляет собой, по некоторым источникам, либо самостоятельную науку, рассматривающую в качестве предмета саму социологию, либо наиболее общую, интегральную часть социологии. В ее задачи входит разработка критериев, позволяющих отличать научное социологическое знание от других видов знаний об обществе и изучение социальных явлений как имеющих или не имеющих отношение к сфере социологии [4]. Большую работу в этом направлении провел В.А. Ядов, который рассмотрел применимость концептуальных разработок современной социологической мысли к исследованию российских трансформаций [5]. Его анализ позволил сделать вывод, что теории, способные решать такие задачи, должны иметь соответствующие для социологии онтогносеологические основания, быть дисциплинарными, т.е. охватывать по возможности все уровни социологического знания, соответствовать традициям отечественной социологии и быть теориями объяснительными, опирающимися на материалы эмпирических исследований [6]. В этой связи может быть снята с повестки дня и дилемма: должна быть либо заимствованная «гранд-теория», скажем, теория становления П. Штомпки, либо «доморощенная», претендующая на такую роль. Но теория П. Штомпки, как известно, не выходит на эмпирические референты. Она скорее эвристическая, чем объяснительная. К «доморощенной» теории мирового уровня, можно отнести, например, «логическую социологию» А.А. Зиновьева. Это добротная, непрочитанная еще нашим социологическим сообществом работа, но и она не относится к объяснительному типу, являясь, скорее, аналитической [7]. Вероятно, нам нужна сегодня проблемно-ориентированная программа, направленная на описание и объяснение происходящих в России социальных трансформаций. Трудность состоит в выделении такого системного критерия, который послужил бы для этого проекта смысловым онтологическим фундаментом. При переходе от онтологического к эпистемологическому аспекту должен быть использован фундаментальный принцип социологического мышления, полагающий наличие в обществе связей и отношений, которые не «просчитывают-

ся» социальными акторами, но оказывают влияние на результаты их осмысленных действий.

На это обратил внимание в свое время Р. Миллс, вводя представление о существовании наряду, с социальной мыслью, «социологического воображения». Позднее эта конструкция использовалась в общей социологии П. Штомпки [8], в учебнике С.А. Кравченко [4], но, тем не менее, четкое разведение социального и социологического в этих работах не произошло. Во многих социологических публикациях можно найти примеры, когда социологические теории называются социальными и наоборот, хотя социальное мышление это не синтез экономического, правового, психологического или этического, это бытийное мышление, и в этом смысле оно относится к онтологии для всех социальных наук.

А.Г. Здравомыслов, применяя категорию «социологическое мышление» к выявлению непредвиденных последствий целерациональных действий социальных акторов, пришел к выводу о том, что «социологическое мышление (сознание социолога) должно быть устроено так, чтобы увидеть нечто неподозреваемое самим актором» [9]. Следует отметить, что зарождение социальной мысли уходит в глубину веков и тысячелетий, и это порой неправомерно отождествляется с самой социологической мыслью [10]. Социологическое мышление появляется не раньше, чем сама социология, вместе с выделением общества и социальной реальности как объекта научного исследования. Поводом для такого «открытия» стала реакция раннекапиталистического общества на «социальный вопрос», в качестве которого выступали причины социально-экономического неравенства в условиях жизни граждан, получивших от Французской революции права на свободу, равенство и братство. Как пишет об этом А.Б. Гофман, «решением социального вопроса были озабочены лучшие умы XIX века. Источник находили не просто в обществе как таковом (само по себе оно считалось благотворной силой), а в отклонении его от естественного хода развития, в его неправильном устройстве. Более того, в этом устройстве стали видеть источник всех бед современного человечества» [11]. Благодаря О. Конту и его предшественникам, это представление стало онтологическим основанием новой науки, а гносеологическим – методы исследования наиболее развитой тогда позитивной (неизмышляющей фактов) науки физики.

Не стояла в стороне от социального вопроса и Россия. Как пишут З.Т. Голенкова и Е.Д. Игитханян, «ещё в дореволюционной России с конца 60-х годов проблема классов и сословий стала представлять собой ядро общесоциологического развития. Если немецкую социологию

тех лет отличал рационализм в анализе социальных изменений (Вебер, Тённис), французскую – особое внимание к стабилизирующим и скрепляющим социальный организм функциям культуры (Дюркгейм и его школа), английскую – интерес к социально-историческому анализу (Тойнби), то в русской социологической традиции акцент делался на проблематику социального расслоения. Возможно, это как-то связано с социокультурной доминантой «общинной справедливости» и извечными проблемами («Кто виноват?» и «Что делать?»), что приводило к поиску причин противоборства социальных интересов» [12]. Далее в статье приводится довольно большой материал о развитии исследования социального неравенства в нашей стране в советский период. Дается оценка напряженной борьбы социологов за право заниматься этой проблематикой вопреки идеологическому прессингу по всему проблемному полю возрождающейся социологии. Согласно установке партии в Советском Союзе проблема неравенства уже почти была решена и речь шла только о формировании социально-однородного общества из двух дружественных классов рабочих, крестьян и интеллигентской прослойки. Поэтому научно определить, каким же являлся реальный классовый состав населения и каковы основные тенденции социального расслоения в стране, было практически невозможно. К этому времени под грифом «секретно» у нас уже была издана книга М. Джиласа «Новый класс», где в качестве такового выступала партийно-советская номенклатура. Но для отечественной социологии даже намек на пересмотр социально-классовой «трехчленки» вызывал репрессивную реакцию. Этот исторический опыт свидетельствует о том, что исследование социального неравенства является для любого общества, в том числе и российского, чрезвычайно актуальной, болезненной и трудно решаемой проблемой. Если представить себе на минуту, что у первых социологов в советское время была бы возможность исследовать эту проблему объективно, то и «перестройка» и последующая метаморфоза перехода к рынку и сама скрытая от общества «номенклатурная приватизация», возможно, выглядели бы иначе.

Несмотря на идеологическую закамуфлированность проблематики социальной структуры и стратификации, в исследованиях советского периода было одно несомненное достоинство: все другие исследования (труда, досуга, образования, культуры, национальных и этнических отношений, промышленности, города и села, массового сознания, коммуникации, семьи, не говоря уже о социальной мобильности («перемещений»), были так или иначе связаны с проблематикой социально-демографической и социально-профессиональной структуры, и эта связь шла через концептуально осмысленную «паспортничку».

Интерес к «ядерной» тематике социального неравенства в России не пропал у социологов и в период так называемых «рыночных реформ». Наиболее существенным достижением социологии за последние 20 лет стало «открытие» России как новой социальной реальности, причем не путем политологических или иных умопостроений, а путем серии эмпирических социологических исследований [13]. Базисными для такого вывода стали количественные данные об изменениях в трех сферах российского общества: в социальной стратификации, социальном неравенстве и социальной повседневности. Причем было зафиксировано, что эти изменения приобрели устойчивый характер. Как показали исследования, население России распределилось по 10 основным стратам, уровень и качество жизни которых принципиально различны. Ядро этих страт – российский «средний класс». Он составляет 20-22% населения. В той части, что касается социального неравенства, то новизна ситуации состоит не в том или не совсем в том, как это неравенство воспринимается на личностном уровне, в частности, в размерах доходов, и не в том, что источником неравенства является частная собственность (за частную собственность высказалось 87% респондентов), а в том, что граждане недовольны сложившимися в стране за годы реформ социально-экономическими отношениями, включая отношения собственности и распределения доходов. При этом процесс с индивидуального уровня переходит на макроуровень, превращаясь из недовольства собственным положением в недовольство новой системой общественных отношений в целом. В той части, которая касается повседневности, фиксируют рост недовольства россиян повседневной ситуацией в социальной сфере. Причем по таким важным сторонам социальной жизни как бедность, социальная несправедливость, ситуация с детскими дошкольными учреждениями, высшим образованием, жильем, экологией, личной безопасностью и другими. При этом доля критических оценок заметно превышает долю положительных. В целом такие результаты исследований свидетельствуют о заметном разрыве между общественными ожиданиями и реальностью.

Столь серьезные выводы науки казалось бы, должны были взбудоражить общественное мнение, а правительство и другие уровни власти и управления привести в состояние «боевой готовности». Ведь известно, что существуют международные индексы критических показателей для оценки социальной стабильности в различных странах. Эти показатели, особенно по социальному неравенству (по данным ИСПИ РАН) у нас «зашкаливают», однако незаметно, чтобы власти обратились к социологам с «социальным заказом» особой важности, а СМИ предоставили трибуну отечественной социологии для разъяснений и комментариев.

Зато каждый зритель Первого канала хорошо знает, кто сегодня «дежурный по стране».

Но все же и это симптом состояния социальной реальности. Власти всех уровней понять можно, они считают эту проблему не научной, а сугубо практической, в полном смысле слова социальной. Остается открытым, однако, вопрос, достаточно ли у них, по А.Г. Здравомыслову, социологического воображения или мышления, чтобы предусмотреть непредвиденные или, как чаще всего говорят, «непредсказуемые последствия» принимаемых в одностороннем порядке политических решений. Опыт чаще всего дает отрицательный ответ. Различного рода экзогенное вмешательство в общественную жизнь, даже с самыми лучшими намерениями, постоянно приводит к непредсказуемым последствиям, поскольку в обществе действуют свои законы взаимодействий социально неравных акторов.

Интересно и другое: за эти годы незаметно произошло смещение исследований социальной структуры и стратификации российского общества в одно из отраслевых направлений. Это видно по учебникам, где главам по проблемам стратификации отводятся далеко не первые места, и по структуре прошедшего социологического конгресса. Программный комитет поставил эту проблематику на восьмое место среди сессий и на шестое среди секций, а по числу поданных заявок и тезисов, проблема стратификации, оказалась на 19-м месте (9 заявок), а в секциях на 25-м (42 заявки). Самыми популярными для участников Конгресса были сессия №7 с идеологически окрашенной темой «Гражданское общество и государство» (50 заявок) и секция №28 по актуальной, но не самой центральной для социологии теме «Социология образования» (137 заявок). Возможно, это не очень показательно, но примерно те же данные мы получили и в ходе социологического опроса.

Чем же объясняется смещение центральной для отечественной социологии проблемы на периферию? Без притязаний на полноту можно указать три таких причины. Первая очевидна. После вхождения страны в рыночную экономику у властно-управленческих структур явно ослаб интерес к этой проблематике. Характерно, что и в наших беседах в аппарате Правительства, когда ИС РАН предлагал методику социологического сопровождения национальных проектов, отношение к нашему предложению оказалось весьма сдержанным. Вторая связана с преимущественным заимствованием подходов и методик стратификационных исследований из авторитетных западных источников и попытками их приспособления к российским условиям (об этом подробнее ниже). И третья, на мой взгляд, более серьезная. У нас все еще и в социологии и в общественном сознании господствует протосоциологическое пред-

ставление о социологии. Его суть состоит, как уже говорилось выше, в неразличении социального и социологического. Каждый, кто писал курсовую по социологии, а тем более защищал диссертацию, знает, что у любого теоретико-прикладного исследования, сначала формулируется социальная проблема как практическая, затем выделяется научный объект и предмет, обоснованные той или иной социологической теорией, и только с этого момента начинается производство социологического знания, отличное от знания социального. После проверки гипотез и получения результатов часть этих знаний остается в социологии (научная новизна), а другая переводится на язык практики и превращается в научно-обоснованные рекомендации. Практика и наука это «разные порядки знания» (Г. Шпинер [14]) и перевод одного в другое требует того самого «социологического мышления» и высокого профессионализма, которые делают социолога социологом. У нас же непосредственное измерение социального явления (общественного мнения, например) считается социологией. Статистика мнений может использоваться на начальном этапе социологического исследования, но сами эти данные не являются социологическими. Мне представляется, что сформировать социологическое представление о социальной реальности, а также сформулировать новую повестку дня отечественной социологии будет невозможно, если не соблюдено это аксиоматическое правило, применение которого позволяет вести диалог в социологическом сообществе на одном языке. Поэтому одними из основных условий выработки отечественной социологией повестки дня, адекватной реалиям российского общества, является, с одной стороны, возвращение в центр социологического внимания традиционной для России и всегда актуальной проблематики социального неравенства, а с другой, – детальная разработка социологической теории и превращение ее в теорию объяснительного типа.

Что мог бы дать такой поворот в отечественной социологии? Во-первых, это означает более адекватное выполнение ею своих научных и этических обязательств перед российским обществом, получившим неоднократно «моральные травмы» от крутых поворотов истории и потерявшего в итоге на уровне повседневности ориентации в оценке своего прошлого и настоящего. Во-вторых, изменение статуса социологического знания в принятии социально-экономических и социально-политических решений в стране, поскольку ни одно из них не может обойти реальное социально-экономическое неравенство, не рискуя столкнуться с теми самыми «непредсказуемыми последствиями». Социология не была и не должна быть «государственной наукой», но сказать свое веское научное слово о месте и роли государства в раз-

личных сферах общественной жизни, особенно в социальной политике, может и должна. В-третьих, это означает повышение эпистемологического статуса социального знания в системе социально-научного, поскольку ни экономика, ни право, ни психология, ни культурология, ни социальная антропология не вырабатывают самостоятельно знания о социальной структуре общества. Как писал об этом в свое время Т. Парсонс, социальная структура – единственная область знания, на которую кроме социологии не претендуют никакие другие науки. Социальная стратификация российского общества и есть определяющая подсистема его социальной структуры. В-четвертых, исследование в этом направлении означает новые возможности внутридисциплинарной интеграции социологического знания, поскольку ни одна из отраслевых социологий не может считаться таковой без привязки своей предметной области к социальной структуре общества и ее изменениям. Полипарадигмальность здесь ни при чем. Даже если под влиянием той или иной парадигмы исследователь исходит не из стратификационной схемы структуризации общества, он все равно придерживается какого-то представления о социальной структуре, а на эмпирическом уровне в ходе операционализации понятий эти представления все равно находят свое место во все той же традиционной «паспортичке». Удержание в центре внимания отечественной социологии проблемы социального неравенства – не насилие над полипарадигмальностью, а разумный компромисс между различными социологическими направлениями.

Как показала жизнь, после очередного переворота Россия во многом вернулась в то привычное для нее состояние, в котором она была в досоветский и советский периоды. Эта поразительная социокультурная устойчивость объясняется тем, что власть и общество других способов как сохранения своей государственности в «большой игре» геополитических сил, так и решения внутренних социально-групповых и социально-классовых противоречий не знают и не могут изобрести. Именно социальные институты являются регуляторами социального неравенства, этого «родового проклятия человечества», как писал А.А. Зиновьев, которое преследует не только Россию, но и все страны Запада и Востока, Юга и Севера. Оно неуничтожимо по определению, и вопрос практически состоит только в том, как удержать таящиеся в неравенстве «примордиальные силы» в управляемом состоянии и использовать эту естественную социальную энергию на значимые инструментальные цели.

Таков мир и такова Россия в этом мире, со всей своей самобытной ментальностью и способами организации общественной жизни. Социологи – реалисты и номиналисты – остаются в области социоло-

гического знания и познания до тех пор и в той мере, в какой за всеми без исключения формами общественной жизни и процессами видят и находят их связь с производством и воспроизводством социальных неравенств и не только по уровню доходов. «Социологическое мышление» вне пронизательной экспликации стоящих за событиями социальных структур и отношений неравных акторов просто не существует.

Если это так, то в каком состоянии находится исследование проблем неравенства у нас? В литературе отмечается, что и у нас, и на Западе, они то актуализируются, то замирают. После некоторого продвижения в мировой науке в этом направлении в 1950-60 годы, наступила длительная пауза, заполненная многочисленными исследованиями, но «без новых концептуальных открытий» (О.И. Шкаратан). Споры неомарксистов и неовеберянцев стали носить узкопрофессиональный схоластический характер, не вызывая активного отклика ни у читателей, ни у социологов других профилей [15]. Доминирование евроцентристского подхода привело к игнорированию цивилизационного разнообразия стратификации в различных типах обществ. Не сложилось и признание в научном сообществе концепций, которые бы не только описывали, но и объясняли процессы трансформации, особенно в России и постсоциалистических странах. Как писал Ю.А. Левада, «одна из ошибок либералов и социалистов, заключалась в том, что они считали нацию пережиточной традиционной структурой, которая отмирает или теряет свое значение в модернизационных процессах» [16]. На самом же деле, если продолжить эту мысль, то и наши «сверху», и западные «снизу» модернизации постоянно приводят к созданию все новых и новых видов социальных неравенств и к усложнению проблем их регулирования.

Требуется более глубокое осмысление проблемы социальных неравенств в России и выход на новый уровень теоретико-эмпирических обобщений. Это возможно, во-первых, в том случае, если мы отойдем от европоцентризма и гипотетически рассмотрим наши проблемы с позиции исторического пути России как принадлежащей к иному цивилизационному ареалу и, во-вторых, если в эмпирической части исследования удастся найти способ выделения не только номинальных, но и реальных социальных групп. В исследованиях социальной стратификации, проводившихся в последнее десятилетие, эмпирическое выделение социальных групп, строившихся на таких показателях как род занятий, уровень образования и квалификации, содержание и характер труда, условия труда, различие в доходах и накопленных материальных ресурсах, тем не менее, не давало исчерпывающего объяснения причин и механизмов социальной дифференциации. Зарубежные исследова-

ния, с которых мы, по-прежнему, берем пример, не могли дать других показателей, чем те, с которыми они работают в своих странах. Такая же картина и в исследованиях социальной мобильности, которые являются неотъемлемым аспектом исследования стратификации и относятся к проблеме социального воспроизводства. Как ни странно, но и у нас, и на Западе, они ведутся параллельно, без соответствующей увязки концепций и измерительных индексов. Все это говорит о том, что пока используются лежащие на поверхности данные о номинальных слоях, измеряемых по показателям уровня жизни, сопряженным с характеристиками или по профессионально-квалификационным индексам внутривоколенных карьерных социальных перемещений. Специальные стратификационные исследования социального воспроизводства неравенств ни у нас, ни за рубежом, насколько нам известно, до последнего времени не проводились. Поэтому особое внимание обращает на себя отечественный проект под руководством профессора О.И. Шкаратана. Подготовленная по его итогам коллективная монография «Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России» и др. работы [17]. В качестве *объекта* авторы выделили процесс постсоветской трансформации социальной структуры российского общества, *предмета* – латентные факторы воспроизводства социальных слоев и групп. *Основная или базовая гипотеза* состояла в предположении, что исследования социальной стратификации могут быть адекватными российской реальности, если признать наше общество как социетальность особого рода, принадлежащую этакратическому типу цивилизационного развития. *Целью* этого проекта стала разработка теории социальной стратификации путем обобщения мирового и отечественного исследовательского опыта и эмпирической проверки применимости различных теоретико-методологических подходов к объяснению эволюции обществ этакратического типа.

Системное представление предмета исследования включало в себя три блока переменных: признаковое пространство социального неравенства, охватываемое индикаторами власти, собственности, социального, человеческого и культурного капиталов; гомогенные (реальные) социальные группы российского общества в трех узловых точках пространства – времени (1994, 2002, 2006 гг. в разрезе поколений и поселений); институциональные факторы, влияющие на динамику социальных статусов российских граждан, на процессы воспроизводства их экономических, политических (властных) и иных ресурсов (человеческого, социального и культурного капиталов), в качестве которых выступают семья, система образования, региональная институциональная среда, социальные сети и новый информационно-технологический уклад.

Для целей нашей статьи важно отметить, что это во всех отношениях «прорывное» исследование и, что оно имеет большое значение для уточнения социологических представлений о России как новой социальной реальности. В части эмпирических результатов исследования, следует сказать, что признаковое пространство по последнему этапу (2006 г.) сбора первичных данных позволило построить социально-профессиональные группировки по схеме Голторпа-Эриксона-Портокареро (ГЭП), наиболее применяемой в европейских исследованиях стратификации и одновременно по процедуре безгипотезного поиска реальных гомогенных групп с помощью энтропийного анализа (О.И. Шкаратан – И.Н. Таганов). В результате сравнения европейских и наших стратификационных группировок пришлось признать, что для условий России европейская шкала оказалась псевдореальной, т.е. непригодной для стратификационного анализа экономически активного населения. Реальные группы образуются сходными по параметрам обладания властными полномочиями и экономическим капиталом. Тем самым получила подтверждение гипотеза об этакратическом характере социокультурной трансформации в России, в процессе которой переплетаются признаки сословной иерархии с элементами классовой дифференциации. Это означает, что в российском обществе происходит сложный цивилизационный переход от стратификации иерархического типа (предположительно евразийского), где позиция индивида определяется его местом в структуре государственной власти и управления и степенью близости к источникам централизованного распределения к доминирующей во всем западном мире (в евроантлантической цивилизации) классовой стратификации. О.И. Шкаратан называет такую стратификацию двойственной, а тип социально-политического устройства, институционализирующего этот процесс – неоэтакратическим. В нашем обществе-государстве основной базовый слой исполнителей-несобственников составляет 74%. Этот слой может быть дифференцирован по многим другим признакам, но все они будут менее значимыми по отношению к главному критерию: власть-собственность. Оставшиеся 22% могут быть условно отнесены к средним слоям, обладающим некоторым минимумом собственности и (или) властных полномочий, это мелкие и средние собственники, руководители среднего уровня, миноритарии и самозанятые. К высшему среднему классу а, с некоторой долей вероятности, и к высшему слою можно отнести 4% населения. Это примерно столько же сколько и в некоторых других западных странах.

Основными достижениями этого исследования является то, что в нем стратификация экономически активного населения построена не

на номинальных, а на реальных социальных группах, полученных в результате энтропийного анализа массива опросных данных в заданном концепцией авторов пространстве признаков. Реальные социальные группы всегда имеют нуклеарную структуру (ядро, полупериферию, периферию), что и было зафиксировано эмпирическим путем, хотя с социально-психологической точки зрения, это все равно «псевдогруппы», поскольку между их участниками нет коммуникативных связей и ядро вовсе не выступает как реальный регулятор взаимоотношений. Это, скорее всего, идеальные или модельные социальные группы, построенные на реальных данных. Их выделение может рассматриваться социологами как экспликация латентного пространства реального группообразования, что не может не заинтересовать социальных ученых как в теоретическом, так и методологическом планах.

На основании новой стратификационной группировки были проведены ранее недоступные для социологического анализа важные различия между социальными группами: представлена картина неравномерного распределения человеческого и социального капиталов, показана динамика социального уровня различных слоев экономически активного населения (социальных низов, средних и высших слоев российского общества), выдвинута и эмпирически зафиксирована тенденция поведения т.н. «информационного» среднего класса (термин М. Кастельса) наряду с традиционным. Но самым важным результатом стала характеристика воспроизводства социального расслоения, а, значит, и неравенства в России. Помимо вклада в теорию стратификации с позиций воспроизводственного подхода авторами изучено и показано влияние институциональных факторов воспроизводства неравенства, продемонстрированы возможности ресурсного подхода и приведен эмпирический анализ воспроизводства реальных социальных групп по критериям связи профессионального статуса и уровня образования родителей респондентов. Обнаружено, что исследование социально-профессионального статуса и образования в наибольшей степени выражено в ресурсообеспеченных группах и в наименьшей в самой массовой группе исполнителей-несобственников. Другими словами, по всем признакам в стране происходит интенсивное воспроизводство властно-собственнических групп и растут их вложения в подрастающее поколение, а также происходит консервативное воспроизводство «низов» независимо от статуса респондента. Таким образом, идет дальнейшее расслоение и образуется новое неравенство шансов у работающего и подрастающего поколения россиян, что создает не просто новую социальную реальность, а реальность гипертрофированного неравенства.

По материалам этого исследования авторы выносят довольно суровый вердикт в отношении настоящего и будущего российских трансформаций. После коренных изменений в экономических и политических институтах в России появилась своеобразная дуалистическая система социальной стратификации, которая не выглядит временным явлением, а имеет все признаки устойчивого воспроизводства. Для социологии это означает, что перемены затронули позиции, состав и структуру различных социальных групп, и сам «список» этих групп. В этой связи усложнилась и система критериев или статусных индикаторов, по которым определяется положение индивида или группы в социальной иерархии, что ускользает при использовании обычных исследовательских средств.

Этот проект несомненно является шагом вперед в разработке объяснительной теории социальной стратификации. В нём учтены достижения мировой социологической мысли и опыт сравнительных исследований, что приближает отечественную социологию к созданию собственных теоретических оснований для оценки состояния и прогнозирования происходящих в стране процессов.

Однако, правильно ли сводить оценку социальной реальности к материалам только стратификационных исследований? Обратимся к истории. Роль метапроекта на возрожденческом этапе отечественной социологии сыграло исследование отношения к труду молодых рабочих промышленных предприятий Ленинграда и получившего широкую известность благодаря экспликации процедуры этого исследования [18]. В системном представлении предмета были четко выделены четыре блока переменных: данные об эмпирическом субъекте социальных действий; сами действия (поведение); факты сознания (установки и ценности); специфические и общесоциальные условия. Стратификационные показатели частично попадали в «паспортичку», а частично в основной раздел анкеты, в частности, группировки по содержанию труда, интересные сами по себе, здесь выполняли роль факторов дифференциации сознания и поведения респондентов.

Сегодня, углубившись в проблемы социального неравенства путем построения и проверки различных стратификационных схем, мы не можем отвлечься от естественного стремления акторов находить формы и способы взаимопонимания и взаимодействия. Эти формы и способы относятся к социальной реальности также как и само неравенство. Они проявляются в повседневной жизни реальных социальных групп, о которых говорилось выше. И нет сомнения, что при соответствующих замерах мы можем обнаружить еще один срез социальной реальности: ценностно-ориентационный. Такую работу, правда, без «привязки» к стратификационной теории, провел Н.И. Лапин, измеряя динамику

ценностей россиян в переломные 1990-1994-1998 годы. Адаптируя и видоизменяя схему анализа структурных процессов Т. Парсонса, которые уже неоднократно подвергались критике, Н.И. Лапин выделил несколько групп процессов трансформации российского общества, выдвинул и проверил на основные исследования этих процессов и принципов социокультурного подхода гипотезу о движении российского общества из этатистско-традиционного в либерально-модернистское состояние на основе измерения ценностей «как аттрактора выбора». В итоге он получил репрезентативные данные, на основе которых смог заключить: «ныне ценностное сознание россиян находится отнюдь не в начале, а примерно в середине движения к либеральной системе ценностей или уже во второй половине этого пути. Такова главная тенденция – аттрактор, втягивающий российское общество в социокультурную либерализацию [19]. Этот вывод делается с учетом высокого положения на шкале ценностей (из 14 позиций) ценностей свободы. Эти данные говорят о принципиально важном для оценки российского общества как социальной реальности ценностно-ориентационной структуры поведения, что существенно как со стороны уточнения онтологических оснований реальности, так и ее теоретической концептуализации.

Здесь нельзя не вспомнить полемику среди западных обществоведов и социологов по поводу книги Дж. Роулза «Теория справедливости» [20]. Суть полемики состояла в том, что эта работа строилась на позитивистско-мотивированной традиции и полностью исключала из анализа социальных фактов ценностные импликации. Её задачей было доказать применимость либеральных принципов справедливости в условиях демократического плюрализма. Оппоненты Роулза, которых позже назвали «коммунитаристами» (М. Сэнделом, А. Макинтайр, А. Этциони, Р. Беллах и др, занявшиеся в последствии разработкой эмпирических моделей «хорошего общества»), настаивали на том, что человеческие ценности имеют социальную природу, а плюрализм связан с идентичностью индивидов и социальных групп. Если для Роулза справедливость состояла в стремлении достичь социального равенства индивидов в условиях либеральных свобод, то для «коммунитаристов» она связана с солидарностью людей со статусными различиями.

Вывод: теория общества не может не включать в себя наряду с дескриптивными элементами социальных действий элементов нормативных. Она должна быть социальной теорией и социальной этикой одновременно. А. Хоннет назвал такую науку «grant theory» [21]. Как отмечает С.Г. Чукин, специально разбиравшийся в этой проблеме, «есть основания полагать, что главной причиной затянувшейся паузы в запад-

ном и российском общественном сознании, является нежелание большинства теоретиков социального признать этот вывод» [22]. Известно категорическое высказывание Н. Лумана, когда он объявил, что социология – это форма научной коммуникации, коды которой принципиально отличаются от кодов моральной коммуникации. Она не может дифференцировать свои объекты по признаку «хорошего» или «плохого» [23]. Она-то да, но сам объект, он же субъект социальных действий и взаимодействий, не только не может, но и ежеминутно это делает, невзирая на то, что об этом думают принципиальные теоретики. Это явление, на наш взгляд, онтологично, поэтому оно выпадает из социальной реальности и поэтому не может не быть объектом исследования.

В этой связи следует отметить, что отсутствие у нас полнообъектных исследований постсоветской России увеличивает опасность зависимости нашего общества от мифологических идеологий. Социология по своему статусу может изучать только то, что есть в реальности, всякие другие исследования, особенно того, чего нет, но должно быть – от лукавого. Только социология может сказать – фантомными или реальными являются такие объекты как «средний класс», «гражданское общество», «подлинная демократия» и др. Если она этого не говорит, то мы становимся похожими на того пьяницу из старого анекдота, который потерял кошелек в темной канаве, а ищет под фонарным столбом, потому что под ним светлее. О состоянии поисков «среднего класса» уже скептически отзывались И.Т. Заславская и В.А. Ядов. О гражданском обществе весьма критично высказалась Н.В. Мотрошилова. Она считает, что терминологические споры об определении «гражданского общества» могут длиться бесконечно, пока мы не обратимся к фактам современной российской жизни. Здесь мы можем неожиданно для себя обнаружить, что «то место, где должна бы утвердиться цивилизованная структура гражданского общества уже занято. Чем же и кем? Полагаю, там уже угнездились многообразные связи, отношения, объединения антицивилизационного, подчас криминального, варварского характера, которое, в их совокупности правомерно назвать «антигражданским обществом» [24]. По аналогии можно спросить: может, на месте искомого «среднего класса» уже угнездился другой средний класс, а на месте «подлинной» как на Западе демократии, какая-то другая демократия, а чтобы это выяснить, может быть, все же нужен другой научный инструментарий?

О западной демократии, кстати, непредвзято говорил знающий ее не понаслышке А.А. Зиновьев: «Западная идеология и пропаганда раздувают ее так, что создается впечатление, будто ничего другого нет, или, по крайней мере, все прочее играет второстепенную роль. А между

тем, в западных странах имеется мощная и довольно стабильная часть государственности, которая находится вне демократии. Она состоит из административно-бюрократического аппарата, полиции, судов, тюрем, армии, секретных служб и многочисленных учреждений и организаций, так или иначе связанных с государством и работающих на него. И все это строится совсем не по демократическим принципам» [25]. В.А. Ядов, в цитированный выше книге, приводит пример из материалов венгерских социологов, которые пришли к странному выводу, что в странах ЦВЕ, равно как и в государствах бывшего СССР, включая и Россию, формируется «капитализм без капиталистов». Они, пытаясь совместить марксистский анализ с концепцией П. Бурдьё, обращают внимание на то, что стратегия перехода к рыночной экономике в этих странах как и у нас, не была связана с появлением рыночных институтов. Просто ранее накопленный ресурс власти, престижа и привилегий стал для бывшей номенклатуры источником его конвертации в капитал экономический. Все эти странности касаются не только институтов, но и коренного ресурса любого общества – человека (Ю.А. Левада), вплоть до появления «человека парадоксального» (Ж.Т. Тощенко).

Возникает следующий вопрос, как весь этот корпус новых данных о российском обществе может и должен повлиять на формирование новой повестки дня отечественной социологии? Для ответа необходимо разобраться с тем, что сегодня представляет собой отечественная социология. Всплеск внимания к ней за последние годы - не случайность. Это свидетельство переломного момента в ее истории: ни одна наука, в том числе и социология, так активно борющаяся за свое признание в пантеоне «нормальных» наук, не может долго существовать в условиях неадекватности своему объекту. Если стратификационные исследования дают нам все углубляющуюся картину напряженной и проблематичной динамики социальной структуры, то у социологического сообщества есть два пути: либо также фундаментально, как это делают стратификационщики, представить картину другой, может более полной реальности, либо принять за основу реальность, полученную в результате исследований профессионалов по стратификации. Как говорят методологи науки: «лучше придерживаться плохой гипотезы, чем не придерживаться никакой», тем более что неозтатистская гипотеза не относится к разряду «плохих». В этом смысле отечественная социология находится сегодня в ситуации стратегического выбора [26]. Это относится не только к социологии. Методологи науки выделяют два ее образа в современной культуре. Один образ представляет науку как источник объективного знания о мире, как главный инструмент объяснения окружающих человека явлений. Другой трактует науку

как всецело обусловленную социальными и культурными факторами. Согласно второму образу научные теории и эмпирические данные больше отражают культурные особенности общества и личные качества ученого, чем дают объективные знания. Е.А. Мамчур такую позицию называет «эпистемологическим релятивизмом». Его «можно определить как доктрину, согласно которой среди множества точек зрения, взглядов, гипотез и теорий относительно одного и того же объекта, не существует единственно верной, т.е. той, которая может считаться адекватной реальному положению дел [27]. Можно спорить и на эту тему. Но, тем не менее, если иметь ввиду ситуацию в отечественной социологии, то нельзя не сказать, что беззаботность отдельных социологов относительно своей теоретической, эмпирической и этической идентичности как этапа социологической истории, безвозвратно проходит и уходит в прошлое. Думается, что В.В. Радаев своевременно поставил вопрос об аксиоматике в структуре социологического знания [28]. Сегодня приступить к исследованию или выйти на кафедру, не уточнив, о какой социологии пойдет речь и в чем аксиоматика позиции, уже нельзя. И заказчики стали более грамотными и студенты более начитанными. Наше исследование теоретико-методологического и эмпирического уровня кандидатских и докторских диссертаций по социологии управления [29] показывает, что существует целая цепочка разрывов в структуре представляемых на диссертационные советы работ: между теоретической и эмпирической частями, между объектом и предметом исследования, между объектом и гипотезами, между новым вкладом диссертанта в науку («новизной») и источниковой базой исследований. В большинстве случаев отсутствует достаточно полный анализ уже полученных до диссертанта результатов. Т.е. можно сказать, что многие наши будущие «корифеи социологии» пока занимаются отсебятиной.

Таким образом, по всем признакам требуются усилия всего социологического сообщества и особенно академической составляющей для приведения нашей дисциплины в более адекватное, по отношению к реальным проблемам российского общества, состояние. Г.В. Осипов, активно выступающий против производства и воспроизводства в массовом сознании социальных мифов, неизбежно приводящих к катастрофическим последствиям, считает, что приведение социологического знания в адекватное состояние требует установления степени сбалансированности – дисбалансированности функционирования социальных структур, исследования, в том числе прогнозирования, возможных последствий дисфункциональных расстройств данной социальной структуры для других структур общества, выявления закономерностей

структурных и личностных элементов социальной реальности и условий проявления индивидуальности, равно как и способов реализации этой индивидуальности в явлениях материальной и духовной культуры, исследования закономерностей и причин перехода от социальной организации к социальной дезорганизации, от социальной дезорганизации к социальному порядку» [30].

Это все верно, но кто и как будет устанавливать эти балансы и дисбалансы, кто будет выявлять закономерности, кому будет адресовано «немифологизирующее» знание? Пока мы так долго запрягаем, в обществе происходит активное вытеснение фундаментальной социологической науки из сферы принятия стратегических решений. Вот свежий пример. В недавно вышедшей коллективной монографии, «руководстве для профессиональных аналитиков», говорится буквально следующее: «научные исследования, особенно фундаментальные, рано или поздно могут приводить к практическим экономическим или социальным результатам, но происходит это не всегда. Зачастую фундаментальные научные открытия дают результаты через десятки, а то и сотни лет. Напротив, знания, вырабатываемые системными аналитиками социально-экономической сферы должны приносить плоды сегодня или завтра». Научные исследования, в конечном счете, ориентированы на познание истины, т.е. открытие достоверных, подтвержденных экспериментом или наблюдением, законов природы и общества, тогда как аналитические исследования в социальной и деловой, политической сферах направлены на удовлетворение запросов конкретных заказчиков, т.е. руководителей различных общественных, предпринимательских и политических организаций, институтов» [31].

На мой взгляд, утеряно основное достоинство академической науки – инициативно брать на себя исследование проблем, исходя не из интересов высокоресурсных групп, а из национальных интересов страны, на основе профессионально установленного и научно артикулированного «социального заказа». Пришло, очевидно, время признать, что в условиях общества «повышенного риска» наука об обществе призвана менять формы реализации и содержание основных функций - исследовательской, прогностической, критической, прикладной, мировоззренческой, информационной. Она должна выступать и как субъект исследования, и как равный с другими субъект общественной практики, способный как Кассандра, в особо ответственных для общества ситуациях, сама принимать меры. Для этого нужно перейти с тематических планов на проектную форму организации исследований не только на уровне отдельных коллективов, но и на уровне всей отечественной социологии, и в первую очередь, академической.

Особенностью проектного типа исследования является его ориентация на научное решение той или иной социальной проблемы и, в этом смысле, оно является проблемно-ориентированным. Под этим понимается не только описание и объяснение происходящих процессов, но и определение того, что мы хотим знать о возможностях управления ими и практического принятия решений. Проект хорош и тем, что имеет начало и конец, допускает координацию совместных действий и создает организованное коммуникативное пространство, используя принцип добровольности присоединения к проекту на любой стадии его разработки и реализации при условии сохранения устойчивого социального и концептуального ядра. Организатором может выступить российское общество социологов, но и это не обязательно. У нас есть лидеры исследовательских направлений, и они могут, надеюсь, договориться о некоторой кооперации хотя бы на уровне унифицированной «паспортички». Фрагментации социологического знания и социологического сообщества, о которой уже шла речь как о недостатках и издержках экстенсивного этапа отечественной социологии, при проектной форме превращается в ее достоинство. Различия по парадигмальному критерию позволяют сформулировать альтернативные гипотезы, а расхождения по внутриотраслевым и тематическим критериям и, тем более, по ценностным ориентациям, позволяет внести содержательное разнообразие и многоаспектность в рассмотрение сложных проблем трансформации российского общества. Региональная специфика исследования и учет местных проблем также могут быть учтены и вписаны в задачи метапроекта. Всем этим оправдывается само понятие «метапроект» как «проект над проектами», который не ограничивает отдельные проекты, а направляет их работу в определенном согласованном направлении, не являясь для них административной или ведомственной формой организации. Уже само обсуждение идеи метапроекта в социологическом сообществе может дать импульс к преодолению существующих «застойных» явлений и коммуникативных разрывов, а непосредственное участие в метапроекте подрастающего поколения социологов станет для них важнейшей ступенькой повышения научной квалификации. Целью метапроекта может быть повышение роли дисциплинарного социологического знания в решении макро-, мезо- и микросоциальных проблем социального неравенства и социальной справедливости в российском обществе, задачами – координация исследовательских проектов, создание благоприятной коммуникативной среды в социологическом сообществе, введение в практику кумулятивного принципа получения нового знания, более полно учитывающего накопленный опыт, пропаганда в российском обществе принципов

социологического мышления. Способом реализации - наполнение новым содержанием традиционных функций социологии. Дело в том, что если мы начнем совместно наводить некоторый порядок в наполнении новым содержанием прежде всего исследовательскую функцию, то за этим подтянутся прогностическая, прикладная, критическая, информационная и образовательно-просветительская функции.

Место и роль отечественной социологии в российском обществе сегодня не может определяться указаниями «сверху» или давлением доминирующих научных кланов. Мне хотелось этой статьёй показать, что, несмотря на «разброд и шатание», у нас есть немалый потенциал идей и работ мирового и общероссийского уровня, значительная часть которых остается забытой, невостребованной или не включенной в широкий научный оборот, и что только от степени организованности и заинтересованности самого социологического сообщества, достижения консенсуса в главных направлениях, этот потенциал может быть реализован. Хочется надеяться, что дискуссия по затронутым вопросам начнётся раньше, чем проведение очередного Всероссийского социологического конгресса.

ЛИТЕРАТУРА

1. См. например статьи в журнале «Социс» 2008, № 6, 7.
2. Здесь и ниже даются ссылки на интерактивный опрос участников конгресса по проекту «Фрагментация и интеграция в российской социологии», Опрошено 623 респондента на первом этапе и 723 на втором.
3. Тихонов А.В. Посткризисный синдром отечественной социологии и проблема новой повестки дня //Россия реформирующаяся. Ежегодник ИС РАН. Вып. 7. М.: ИС РАН, 2008.
4. Кравченко С.А. Социология. Парадигмы через призму социологического воображения. М.: Экзамен, 2007. С. 26 и др.
5. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. Курс лекций. СПб.: Интерсоцис, 2006. С. 38-44.
6. Тихонов А.В. Эпистемологический статус социологического знания и некоторые проблемы внутринаучной рефлексии в отечественной социологии // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 6. М.: ИС РАН. С. 55-81.
7. См.: Александр Александрович Зиновьев из серии «Философия России второй половины XX века»/ Под ред. А.А.Гусейнова. М.: РОССПЭН., 2008.
8. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005.
9. Здравомыслов А.Г. Историческое 21 октября 2008 года и нынешняя социология в России (заметки участника III Всероссийского социологического конгресса) <http://www.sociolog.net/zdrav.html>

10. В.П. Култыгин и А.Г. Кузнецов находят истоки социологической мысли в «Законах Царя Хаммурапи», относящихся к шумеро-вавилонской цивилизации (28 век д.н.э.), в древнекитайском «Пятикнижии» и в античной цивилизации. Во всех источниках есть указание на классовое неравенство и на проблему регулирования социальных отношений. См.: *Култыгин В.П., Кузнецов А.Г. Общая социология*. М.: Наука, 2004. С. 15-22.
11. *Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии*. М.: Книжный дом, 2006. С. 37.
12. *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Социальная структура и стратификация // Социология в России*. М., 1996. С. 259.
13. См.: Горшков М.К. *Российское общество как новая социальная реальность // Россия реформирующаяся*. Ежегодник ИС РАН. Вып.6. М.: ИС РАН, 2007. С. 3-9.
14. См. о социологической теории «порядков знаний» Г. Шпинера в работе: *Ионин Л.Г. Социология в обществе знания. От эпохи модерна к информационному обществу*. М.: ГУ ВШЭ, 2007.
15. Кстати, В.А. Ядов довольно критично отнесся к возможностям применения у нас классовой теории К. Маркса и поиска среднего класса на основе используемых критериев стратификации, называя положение исследователей «незавидным», но зато поддерживает применение деятельностно-активистского подхода и две нетривиальные концепции (маргинализации и эмерджентности). См.: *Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций*. СПб.: 2006. С. 38-44.
16. *Левада Ю.А. Ищем человека. Социологические очерки. 2000-2005*. М.; Новое издательство, 2006. С. 275.
17. *Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России*. М.: ГУ ВШЭ, 2009; *Шкаратан О.И., Ильин В.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ*. М.: ГУ-ВШЭ, 2006; *Шкаратан О.И. Российский порядок. Вектор перемен*. М.: Вита-Пресс, 2004.
18. *Человек и его работа / Под. ред. А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина, В.А. Ядова*. М., 1967.
19. *Лапин Н.И. Пути России*. М., 2000. С. 147.
20. *Роулз Дж. Теория справедливости*. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995.
21. *Honneth A. Kampf um Anerkennung: zur moralischen Grammatik sozialer Konflikte*. Fr. Am M.: Suhrkamp, 1992.
22. *Чукин С.Г. «Хорошее общество» и его противники: к проблеме концептуализации ценностей в социальной науке // Вопросы философии*. 2009. №5.
23. *Luhmann N. Paradigm lost: Über die ethische Reflexion der Moral. Rede anlässlich der Verleihung des Hegel-Preises*. Suhrkamp, Frankfurt a.M., 1993. S. 8.
24. *Мотрошилова Н.В. О современном понятии «гражданское общество» // Вопросы философии*. 2009. №6. С. 30.
25. *Зиновьев А.А. Фактор понимания*. М.: Алгоритм, 2006. С. 423.
26. В отечественной социологии наиболее разработанной моделью онтологических оснований социальной реальности, на мой взгляд, является схема средств взаимообмена между социетально-функциональными структурами Н.И. Лапина, применимая к исследованию любых реальных социальных групп. См. *Лапин Н.И. Общая социология*. М.: Высшая школа. 2006, С.44.

27. Мамчур Е.А. Образы науки в современной культуре. М.: Канон+, 2008. С. 219.
28. Радаев В.В. Возможна ли позитивная программа для российской социологии // Социс. 2008. №7.
29. Тема «Методологическая организация социологического исследования» (грант РФФИ № 09-06-00149-а, научный руководитель – Тихонов А.В.).
30. Осипов Г.В. Социология и социальное мифотворчество. М.: Норма, 2002. С. XXVI.
31. Ракитов А.И. и др. Системный анализ и аналитические исследования. Руководство для профессиональных аналитиков. М., 2009, С. 15-16.